
Екатерина Виноградова
ИЗГНАННИК
Сборник мистических произведений
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Екатерина Виноградова
ИЗГНАННИК

https://litres.ru/75055854
SelfPub; 2026

Аннотация

«Острогом стоят мятежные дни! Чтоб я не дождался счастливой зари!» — так начинаются перерождения души.

Духоборец, сосланный за веру без попов и икон. Служитель муз, подписавший контракт с тьмой ради славы — и узнавший её цену. Эпохи меняются — но нить одна: изгнание и тьма на пороге. «Кареты хмельные из чёрного зла», всадник ночи, сделки и расплата.

Каждое испытание — не приговор, а кузница: выходит изгнанник из огня не сломленным, а выкованным.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ 5
ВЕЛЬМУС (МУЖСКОЕ ПЕРО) 8
ГЛАВА I. ДУХОБОРЕЦ 9
Изгнанник 9
В пылу измен 11
Дурная рать 13
Последняя стать 14
Покину я 15
Обряд бесчинства 16
Дух в ночи 17
Всадник ночи 18
Всадник беспощадный 19
На берегу вечерних врат 21
Верба 23
Не рвусь к высотам бытия! 24
Пленник бытия 25
ГЛАВА II. СЛУЖИТЕЛЬ МУЗ 27
Контракт 27
Нимфа сладострастия 42
Успех 43
Незабвенен 47
Обращение к судьбе 48
Бражник 49

Сон бражника 51
Закуска бытия 52
Начался показ! 53
Кто я? 54
Чиновник 56
Змий — искуситель 59
Месье Жюльен 61
Превратности судьбы 64
Изгой 66
Измена. Себе. 68
Призрак любви 69
Трусость 71
Конец ознакомительного фрагмента. 72

Екатерина Виноградова
ИЗГНАННИК

ПРЕДИСЛОВИЕ

У этой книги три пера. Два из них мои. Мужское я назвала Вельмусом: не человек, а поэтический образ, маска сшитая по руке.

Женское перо пишет о том, что происходит со мной сейчас, здесь, в наше время: осколки и боль, жизнь, далёкие и близкие, сын, Родина. Это нежные лирические стихи, рядом с которыми соседствует вольнодумство.

А Вельмус — перо, погружённое в мистику. Он рассказывает о перерождениях души, и нить его — изгнанник, тянущаяся через весь сборник.

Первой жизнью, которую Вельмус вспомнил, был духоборец. Он боролся за то, чтобы не клясться никому, кроме Бога. Отказался и от присяги, и от ружья. Он боролся за веру без попов и икон — за это его и сослали. Но он не согнулся, ведь вера его была проста и несокрушима: сын я — не раб.

Второй жизнью был служитель муз. Он боролся с другим противником — с собой. Всматривался в чужие судьбы и описывал их искушения, пока однажды искушённым не оказался сам: злато, слава и успех, купленный чужой болью. Что

стало с ним дальше, вы узнаете из его «Контракта» и «Успеха», которыми открывается вторая глава.

Вельмус пишет и о том, что эти двое видели вокруг себя, когда были живы, — и о том, как начал слышать по ночам голоса. Они приходят к нему, разговаривают с ним, передают что-то из давно минувшего или вовсе запредельного — как в «О, милуй, царь!» или в «Послание ушедшего поэта». Что это: память, сон или голос времени — решать вам. А Вельмус просто излагает это на бумагу.

Главная мысль сборника — изгнание. Оно бывает разным: за веру, за слово, за то, чтобы быть собой. Жизнь постоянно испытывает дух изгнанника: выстоит ли он, выдержит ли он? И погружает его в такие обстоятельства, где ему всегда нужно бороться — не за место среди других, а за право остаться собой. И жизнь испытывает его не для того, чтобы сломать, а для того, чтобы показать ему самому: на что он способен, когда всё против него. Ибо каждое испытание — не приговор, а кузница: как огонь закаляет сталь, так битвы закаляют дух. И выходит изгнанник из каждой из них не сломленным, а выкованным — крепче и свободнее, чем был.

Вторая нить — тьма на пороге. Она приходит в каждой жизни и знает все пароли: стучится всадником в ночные ставни, наливает бокал на дьявольском балу, шепчет, что медаль скоро предстоит. Она всё время подходит — совращает и искушает. Всякий раз её нужно встретить заново: победа в прошлой жизни не спасает от нынешней ночи.

У каждого изгнанника есть тихий голос рядом — не судящий, не торопящий, просто удерживающий от падения. В моей жизни это Светлана Иванова — третье перо книги. Её стихи завершают мой сборник: совершенно другой голос, нежный, зовущий к свету. Он не борется с тьмой — он о другом: о солнце, которое светит ярко, о пчёлке, что радостно жужжит, о дожде, который весело стучит в окошко. О том простом, что всегда рядом — стоит только услышать. И своё последнее слово она вкладывает в руки читателя, как ключ: дорогу осилит идущий. Идущий со светом в сердце.

И ещё, чтобы никто не волновался: это моя выдумка, литературная игра-приём. Пусть у книги будет мужское перо и женское, пусть одно помнит другие века, а второе — сегодняшний день. Как всякий хороший сказ, она начинена правдой, но рассказана от лица выдуманного героя.

ВЕЛЬМУС (МУЖСКОЕ ПЕРО)

Дорогой читатель!

Позвольте представиться: я — Вельмус, мужское перо этой книги. Мне выпало провести вас по её первой части.

У меня есть дар — или ноша, как посмотреть: я помню свои прошлые жизни. Вижу их так, будто стою там сам и смотрю своими глазами. Первые две главы — и есть те жизни, духоборец и служитель муз. Не буду ничего пересказывать: главы расскажут сами.

А ещё я слышу голоса — сквозь века до меня доходят беседы и послания тех, кто жил прежде. Читайте — я расскажу всё как есть.

ГЛАВА I. ДУХОБОРЕЦ

Изгнанник

Острогом стоят мятежные дни!
Чтоб я не дождался счастливой зари!
И воют! И воют! Волками идя!
На подступи к Богу мне сердце клеймя!

Волочатся гневные их слуги врат!
Желая вонзить мне прощальный булат!
Отступником мне предлагает стать брат!
Неужто не выдержу этих преград?

Дорогою боли по вечным мольбам,
Иду я в неволе, спасая свой храм...
Кареты хмельные из чёрного зла,
Несутся за мною, сжигая дотла:

Последние правды написанных глав,
Последнюю веру, что сын я, не раб,
И ангельских ликов священный набат,
Сметают кареты злословием чад!

Мне чуждый завет верстают они —
Поборники ночи, внимател мглы,
Я будто изгнанник в державе своей!
Но дух мой не сгинет в опале огней!

В пылу измен

Распят последний пьедестал!
Вновь образ бездны я познал!
Обрушен воплями души!
За что? За что? За что? Скажи!

За что? Холодным февралём
Я псом на паперти стою?
За каждый брошенный мне грош
Судьбе спасибо говорю?

Пытаюсь криком объяснить:
Что я уже устал так жить!
Но каждый новый мой роман
Приносит крах из новых ран!

Лилит смеётся надо мной:
Всё ярче светит мне косой!
Фата-моргану для меня —
Придумал всадник бытия!

И вот опять! Опять с колен!
Пытаюсь встать в пылу измен!
В который раз! В который раз!

Не пасть! Не струсить! Не пропасть!

Дурная рать

Дурная рать побед испуга!
Неужто ты не видишь круга?
Изнемогая, склеп души —
Они всё плещутся во лжи!

«Немые», «битые», «косые»!
Любуясь кровью в бренном мире!
И преграждая путь тому,
Кто выбор сделал наяву!

Узрей же ты потехи «битых»!
Пусть едут прочь двуликой свитой!
Позор безумства подлых глав —
Они узнают — всё отдав.

Им время — строгий судия,
Покажет дерзость бытия!
И заберёт их лживый лик,
К потокам мрака, в тот же миг.

Последняя стать

Розы завяли! Последняя стать!
В двери стучится, чтобы догнать!
Непокорённую мной высоту!
Непокорённую мной красоту!

Стропы обрезать гневом души,
Стать та желает — бросает ножи!
Словно бессмертница с чёрной косой,
Мне предлагает вечный покой!

Покину я

Мирской утопленник бессрочный,
Живу в надежде полуночной,
Что плен безвременных оков
Покину я, сквозь вечный зов!

Растленья тяжких междометий,
Покину я! Сквозь дым столетий!
Блюститель совести души —
Мне скажет: «Всё! Бросай ножи!»

Обряд бесчинства

Черкаю новые сонеты,
Зерцая в небе Млечный Путь,
И восторгаю губ слиянье!
Хочу к твоей груди прильнуть.

Распахнут взор моих сомнений,
Как огнедышащий фотон,
Так жажду я твоих мгновений!
Но так боюсь прийти в твой дом.

Обряд бесчинства представляю,
Я весь в потухших образах,
Горю стенаниями боли,
В руках у тятеньки пропав.

Исповеданья староверов,
В изнеможении своём,
Несут в себе пределы веры,
Что чужды мне, как душ урон!

Дух в ночи

Раскаты грома бьют тревоги!
Мы забрели в судьбы чертоги.
Брусчатку жизней проходя,
Проникли в стойбище огня.

Срезая золотым серпом
Для новой жатвы первый стон,
Подлоги падших не учли —
Что дух наш выстоит в ночи!

Мы, арабесками звуча,
Напишем книгу бытия,
Где каждый слог ответом дан,
Где каждый знак — рефлектор ран.

Где нашей жизни колея,
Забудет пропасти огня,
Где всё сначала мы начнём!
Где всё сначала обретём!

Всадник ночи

Всадник ночи неустанно
Пробирался меж теней,
Подобрался к моим ставням,
Постучался грозно в дверь!

Окаянный вредоносец!
Ты зачем ко мне пришёл?
Предлагая битву чести —
Я давно себя нашёл!

Я ни злата! Ни разврата!
Не хочу с тобой делить!
И с конём твоим ретивым —
Не хочу я больше пить!

Убирайся восвояси!
Больше ты не приходи!
Я теперь беру за возжи —
Только жизнь свою в степи!

Всадник беспощадный

В твоих таинствах сомнений
Вижу я порока лесть,
В твоих лживых откровеньях
Места для любви не счесть.

Ты как зов души блудливой,
Млеешь, истиной губя,
И в паршивых отраженьях
Ищешь облик для себя.

Ну постой! Не жди тот сумрак!
Не иди по смраду скал!
Лишь рождая откровенье,
Ты поймёшь, что проиграл!

У судьбы свои награды,
И уроки тоже там!
Но ты — всадник беспощадный!
Что тебе земной тиран!

Когда можешь ты с отрадой
В миг разбить его мечты!
Знаешь: сила — для рассвета,

А не для ответов тьмы.

Жги и лги, идя тираном,
Обретая в этом сне,
Вряд ли станешь сыном света,
Поклоняясь темноте!

Злата! Гневные пороки!
И бездушные черты!
Вряд ли станешь сыном света,
Дьявол ждёт твоей судьбы!

О, угрюмые терзанья,
За грудки берут тебя!
И душа, твоя спасая,
Молит Бога, крик неся!

Не кричи! Зови ты тихо!
Чтобы мрак тебя не знал!
Бог ведь слышит, даже если
Очень тихо прошептал…

На берегу вечерних врат

В прекрасном мире эйфории
Ко мне вдруг эврика пришла —
Таланты, мысли, вдохновенье
С собой мгновенно принесла.

О ты, а помнишь талый месяц,
Рукой луны оберегал,
Неся с дали себе увечья
И звенья нескончаемых скал?

Он был так полон вдохновенья
И пеленой веретена,
Так скачет жаркое посланье
Для вдохновения, любя.

Забудь! Запри! Замри в полстана!
И ты очнёшься, ощутишь
Мгновений сильные потуги
И вёсла мраморной весны.

Печален, таен месяц правды,
Что мгла катила на него.
Он был высок, далёк и сер —

Он месяц солнца для него.

В порыве правды — вдох и выдох,
О, ты дышать тогда бы смог?
Ответь, поверь: ты милосерден?!
Ты понял праведный урок?

Путь миражей из ярких сосен,
И в небе стая белых птиц
Омоют ангельские взоры
На берегу вечерних врат.

Верба

Как прекрасна утром верба,
Ветви к солнцу вознося,
Под которой рыжий волос
В косу собран для меня.

Платье белое льняное
Развевается, маня,
И глядит моя девица,
Радость взором принося.

Ох, звенят её ресницы,
Птицы песни в такт поют,
И пушистой вереницей
Верба дарит нам уют.

Не рвусь к высотам бытия!

Не рвусь к высотам бытия,
Где честь — измена для себя!
И яд тождественных сердец
Плетёт себе скупой венец…

Где трон стоит как жребий зла
Для ликов судеб, кукол сна,
Где ложь бокалов хрусталя
И жизнь кончается зазря!

Дворцы распятого добра,
Палаты пошлого тепла,
И арабески из грехов,
Как витражи фальшивых слов!

Не рвусь к высотам бытия,
Где навсегда забуду я,
Что значит человеком быть!
Что значит волю позабыть!

Пленник бытия

Архаика забытого пути,
Опять меня зовёт к ударам пленным,
Я так хотел себя спасти,
Но пал мой выбор — стал я тленным.

Несутся лживые года,
Туда, где путь был неизменным,
Жизнь там, тебе свою отдал —
Архаике забытого удела.

Не плеть, не мука бытия
Не может обратить моей победы,
Когда я, бросив всё к ногам,
Вдруг выбрался из дьявольского плена.

И шелест, шелест губ любви,
О! Кто я? Странник в бесприданье,
Кому? Зачем мои черты?
Кому мои предначертанья?

Опала страждущей души,
В исходнях воет над собою,
А ты меня спасти бы мог?

Мой пленник бытия укора.

Тебя назвал душою я,
Да! Не она, а он — я сам же,
Спаси же бренного меня —
Того, кто подданный вселенной!

ГЛАВА II. СЛУЖИТЕЛЬ МУЗ

Контракт

Пролог

Ты надела свою маску
Из предательства и лжи,
И разбила все творенья
В мастерской моей души.

Дева с нежными руками,
Так шипяще говоря,
Обвивала мою шею
Ох, пожалуй, не любя…

Искусила, совратила
И ушла в кромешной тьме!
Как же, дева, ты любила
Поклоняться темноте.

Моя «тёмная принцесса»
Ледяной, как склеп, души —
Так искала блики счастья

У подмостков подлой тьмы.

Глава I. В зыбучих песках
Далеко в пустыне знойной
Был оазис небольшой.
Там я жил и встретил деву,

Потерял потом покой.

Каждый день бежал с рассветом,
Чтоб увидеть её взор,
Словно птица, рвался в небо
И ветрам кричал назло.

Утро, вечер, ночь — готов был
Я сложить к её ногам.
В мир свой тихий пригласил бы,
Только вот что я узнал:

Для неё мой мир был тесен,
Слишком прост в её глазах —
Ей хотелось бурь и песен,
А не скромных моих благ.

А ещё такое дело:
Замечал я после встреч,

Что иду я еле-еле,
Силы — только чтоб прилечь.

Ну да ладно, это позже.
Продолжаю свой рассказ.
Вот чего она хотела,
Вот о чём её был сказ:

О стране она мечтала
Под названием Бутон,
Где цветы цвели повсюду,
Где был главный в мире трон.

И рассветы там светили
Ярче самых светлых лун,
И громадный чудо-замок
Возвышался, как валун.

Царь давно в поход уехал,
Трон пустел не первый год,
И сады цветов Бутона
Заросли быльём давно.

Но теперь назад вернёмся,
Вспомним деву и меня,
Чем закончилась та сага,

Где измученным был я.

Дни летели вереницей
Сквозь песок и тишину.
Но однажды я услышал:
— Ты мне вовсе не к лицу.

В миг разбилось моё сердце,
Дрожь по телу потекла.
Я сказал одно лишь слово:
— Уходи. — Она ушла.

Поспешила поскорее
За своей мечтою вдаль,
Мне оставив только блики
И из пыли терпкой шаль.

Будто пленник новой ночи,
Я пишу сейчас стихи,
Вновь черкаю эти строки —
Вспоминанья о любви.

Веком старым стон слагаю:
Как тогда она могла
Так испить меня и бросить,
В мир безумства уходя?

Ладно, хватит возмущений —
Продолжаю свой рассказ:
Как ушла она однажды,
Чтоб найти Бутона страсть.

Больше я её не видел,
Доживал свои года
В одиночестве безликом —
Стыла в сердце пустота.

Проходили так столетья
В колесе бегущих дней.
Я узнал об этом позже,
Когда встретился вдруг с ней.

Глава II. Писатель и память
В этой жизни я — писатель,
Я богат, и полон дом,
Вон ларец стоит заклятый…

Только счастье ведь не в том.

Как-то я писал поэму
И забрёл в пустыню грёз,
Там меня ждал непременно

Моей памяти утёс.

Дева с нежными руками
Подошла, дала воды
И сказала так смиренно:
— Неужели это ты?

Не узнал её, конечно, —
Ведь я думал: жизнь одна,
Как те волны, что ласкают
И уходят навсегда.

Но вот сердце застучало,
Что-то вспыхнуло в груди.
Вспомнил я её деянья,
Вспомнил жизни все свои.

Как же я был ошарашен,
Как такое пережить,
Как, узнав, что я бессмертен,
Продолжать спокойно жить?

Мы присели с нею рядом,
Стали много говорить.
И она шепнула тихо:
«Ты мне нужен был, чтоб жить.

Чтоб не стариться, не таять,
Оставаться молодой…
Как же я теперь жалею —
Ты прости меня, родной».

Возвращаюсь к дню разлуки:
Ночь тогда в пески пришла,
Слух прошёл, что царь приехал,
И что сила в нём была.

Человека, даже камень
Мог он словом оживить,
В невидимку превратиться
И богатством одарить.

Прибыл он из самой дивной,
Самой сказочной страны,
Что Бутоном называлась,
Где цветущие сады.

Караван его уставший
Попросился на постой,
Вот тогда решила дева
Отобрать царя покой.

Чтобы мечт её безмерных
Вдруг забава потекла,
Чтобы новой красотою
Она тешилась сполна.

И на троне восседая,
Вся сверкала от богатств,
Чтобы яства украшали стол её
И песнь лилась.

Царь прилёг, закрылись очи,
Сон стенаньем превозмог,
Покатилось эхо ночи,
Унося за грань тревог.

Глава III. Шатёр и вихрь
В это время тихо-тихо,
Шаг за шагом, не спеша,
К шатру дева пробиралась —

Засыпали сторожа.

В тишине пески шептали:
«Стой же, дева, страшно там!
Царь ведь силой обладает,
Что тебе не по зубам».

Но бесстрашна была дева,
Не боялась ничего,
И ступала непременно,
Нож несла с собой большой.

Вот уже чуть-чуть осталось,
Приоткрыла кротко дверь.
Шаг вперёд! Ба-бах — упала…
Что же делать ей теперь?

Мысли, словно камни градом,
Побежали в голове:
«Всё, теперь прощай, услада,
На Бутона мне земле!»

Царь от грохота проснулся,
Нож достал и закричал:
— Эх, заблудшая девица!
Разожгла во мне пожар!

Как посмела ты явиться
В мой шатёр, к моим ногам?
Превращу тебя я в камень,
Чтоб застыла навсегда.

Замер миг, звеня на грани —
Испугалась вдруг она:
«Обману тогда царя я!» —
И улыбкой расцвела.

Пала сразу на колени,
Умоляла: «Пощади!»,
Свои чары предлагала
И покорностью светить.

— Чары! Чары! Чаровница! —
Внемлет царь её словам,
И уже простить желает,
Но настиг ножа удар.

И бегом, бегом, скорее
Мчит девица из шатра.
Что теперь сулит ей доля —
Ведь в пустыне-то одна?

Вдруг барханы расступились,
Поднялись пески столбом,
И раздался чей-то голос:
— Хочешь ты попасть в Бутон?

Тут девица обомлела,

Но решилась всё ж спросить:
— Как зовут тебя? Представься!
Что ты хочешь предложить?

— Я — Вихрон, властитель ветра,
Моя сила велика!
Дам тебе власть и богатство —
Всё, что хочешь, на века.

Свой контракт вручаю вечный —
Подпиши, и будешь ты
Жить в Бутоне, наслаждаться
Среди дивной красоты.

Силы там полно, ты знаешь,
Можно много душ испить,
Только часть той самой силы
Станешь мне ты приносить.

Призадумалась девица:
«Есть ли выбор у меня?
Там могу я стать царицей,
Ну а здесь погибну я».

И дала ответ Вихрону,
Согласилась на контракт,

И мгновенно оказалась
В замке с тысячью отрад.

Глава IV. Трон и холод
Так года её летели,
Век сменялся на другой,
А она была всё та же —

Тот же трон и блеск пустой.

Наслаждалась, упивалась —
Не щадя и не любя.
Каждый день за новой жертвой
Отправлялась вновь она.

Испивала снова силу,
Приносила точно в срок
Тому вечному Вихрону,
Понимая свой урок:

Власть не греет, не ласкает,
Не обнимут злата в час,
Трон не шепчет, не прощает —
В нём лишь холод и приказ.

А в Бутоне розы вяли,

Хоть садовник их берёг.
Даже золото теряло
Свой ликующий восторг.

День за днём, за годом годы,
А в груди — лишь тишина.
Не было ни слёз, ни вздоха —
Словно дева умерла.

Но однажды на рассвете,
Будто спала пелена,
И увидела всё дева,
Бездну жизни поняла.

Зашептал ей тихо ветер:
«Ты ж хотела так сама,
Наслаждалась, молодела…
Что теперь ты поняла?»

И впервые за столетья,
Без притворства и вранья,
Она тихо прошептала:
— Миг живой забыла я.

Закружил Вихрон, вздымаясь,
Засмеялся, словно гром:

— Ты взяла с собою вечность,
Но забыла миг живой.

Этот смех вонзился болью,
Сердце стало оживать.
— Я хочу, Вихрон, на волю!
Я хочу живою стать!

И тогда Вихрон ответом
Предложил ещё контракт:
— Хочешь вспомнить? Возьми больше —
Ещё жизней сто подряд!

Дева вся оцепенела,
Посмотрела на свой сад,
И на трон пустой, безликий,
И на жизнь пустых наград.

Поняла своё проклятье,
Поняла свою мечту,
И к Вихрону обратилась:
— Я корону отдаю.

Тут Вихрон разбушевался
И с напором закричал:
— Ты контракт свой подписала,

Ты вовеки мне должна!

Всё так просто: ты хотела
Не стареть и в злате жить,
А теперь дряхлеть ты хочешь?
Без богатства снова быть?

Да, Вихрон, я так решила,
Я хочу попасть туда,
Где немного, но любила,
Где немного, но жила.

Вдруг песок стеной поднялся,
Ветер начал завывать,
Всё, что пряталось веками,
Вдруг вернулось к ней опять.

Вышла дева, бросив замок,
Бросив золото, сады,
И с надеждой прошептала:
— Как же я хочу любви.

Мир как будто вновь родился,
И заплакала она,
А пустыня улыбнулась —
Подарила ей меня.

Нимфа сладострастия

Задумчивые дюны
Волшебных дальних стран,
Я думал — я безумец,
Но я не прогадал.

Ища своё знаменье,
Я там нашёл тебя —
Возлюбленную деву!
Царицу для себя!

Браслеты на запястьях
И ожерелье в тон,
Ты нимфа сладострастья,
Взывающая в сон.

Я пал к твоим пощадам!
Я пал к твоим ногам!
Ох, как вернуть мне волю,
Когда тебе отдал?

Успех

Как об успехе я мечтал!
О злате! О богатстве!
Я шёл к нему, других губя,
Так упиваясь страстью.

Мой каждый шаг измазан был:
То кровью, то коварством,
И всякий купленный мной раб
Мне наливал для сласти.

Я позабыл, что мать дала
Мне в муках жизнь однажды:
Не приезжал и не писал,
Лишь гроши слал отважно.

Однажды весть принёс гонец:
Что матушка скончалась.
Я осознал, что я подлец,
Помчался, но земля лишь…

Ох, как я мог так поступить?
Ох, матушка родная!
Прошу тебя, я криком: «Встань!» —

К надгробью припадая!

Так пробил час моих побед,
И ужас сном окутал:
Перед глазами мой успех
Из плачущего люда.

Как мог я так душою пасть?
Как мог я не приехать?
Как мог я матушку забыть,
В утехах непременных?

Ох, сколько слёз я породил!
И сколько людской боли!
Теперь я это осознал!
Но как исправить горе?

«Ох, моя матушка, услышь!
Ведь я растерзан болью,
И совесть не простит меня
За время подневолья.

За ложь, за муки, за хлысты,
Что бил других я больно.
Ох, моя матушка, прости,
Душа была безвольна!»

И в тот же день я отдал всё:
Имения, поместья,
И в монастырь ушёл назло
От здешнего чудесья.

Прошли года:
Прошли года в монастыре,
Теперь я вспоминаю,
Как были те пусты балы,

В которых утопал я.

Я вспоминаю лести час,
Глядящих томно фрейлин
И нескончаемый дикий смог
Тех вечеров «бесценных».

Бокалы, полные вина,
За что-то поднимались,
Въедался в кожу аромат
Духов французской марки…

Смеялись чьи-то голоса,
В кадрили сокрушаясь,
И эти странные глаза

Луны ночной въедались.

Ох, что же было для меня
В том времени бесценным?
Скажу я честно: «Ничего,
Лишь только флёр осенний.»

То пало бремя для меня,
И здесь я точно нужен:
Тому, кто будет, как и я,
Успехом тем простужен…

Незабвенен

Ох, вспомнить бы прошедшие года,
Которые меня околдовали,
В смутьянстве времени тогда
Я жаждал нить плести обмана.

Дороги, пиршества, балы —
И стук колес звучал так долгожданно:
Ведь торопился я туда,
Где каждая минута — дань желанью.

Влюблённый в пиршества, в себя,
Я чаеньем людским был незабвенен,
Успехом подчивал себя,
А кто-то рядом плакал неизменно.

Я был в глазах чужих звезда,
Гремела слава за спиною,
Но счёт слезам людским тогда
Не вёл я, взор закрыв стеною.

Обращение к судьбе

Ну как же мне лишиться кары той,
Что ночь во мне глухую приоткрыла,
И рыцарем отдать себя другой,
Чтоб душу мою грешную взлюбила?

Взываю вновь к тебе, моя судьба!
Прошу, сними с меня клеймо чужое!
Мне честь верни и славность бытия,
Где шаг мой не измазан чьей-то кровью.

Я баловень, но, видимо, не твой,
Не даришь ты мне силу вдохновенья,
Я избранный, но всё же той чужой,
Что облик мой терзает угнетеньем.

Когда же ты ответишь? Ну, скажи!
Когда же ты возьмёшь меня с собою?
Оставя ношу — бремя той другой,
Которая звала меня звездою.

Бражник

Да, я бражником был,
Как вино я любил!
Поднимал свой бокал,
Чтоб продолжился бал!

Ох, на шёлк алых губ
Был так падок хмельной,
Но не продал я душу
За весёлой гурьбой.

И лились песен вопли,
В пляс я шёл, как шальной,
И кусал потом локти
Поутру за собой.

Но не продал я душу
За дьявольский бал,
Чтоб согрел меня в стужу
Монет карнавал.

И плелись паутиной
Строптивые дни,
Вновь сидел за столом

Чьей-то мнимой любви.

И по новой, по новой!
Бокал поднимал,
Но не предал я Бога!
Душу я не продал!

Сон бражника

Дерзким вечером унынье
Забрело в моё окно,
Чтобы снял я жизни крылья
И упал скорей на дно.

Там меня встречает свита,
Пир накрыт из яств души,
Из сомнений моих битых
Лежат острые ножи.

Там бокал мне наполняют
Чернокнижные пажи,
И все тосты поднимают
За растление души!

Взял бокал, и капли пота
Побежали по вискам
В осознании, что яства —
Я для пира сам собрал!

Закуска бытия

Листья листопада кружат кутерьмой,
Предлагают блага, в сон зовут земной.
Обещают дали золотых наград
И смеются лестно, чтобы я был рад:

Лживому подспорью для своей души,
И наградам, тени тянущим ко лжи,
Как они лукавы! Листопадом дня,
Кружат зазывая, в сон земной меня.

Что же Вы хотите, чтобы сделал я?
Чтоб отдался доле, рабской для себя?
Позабыл надежду светлого пути
И упал к подножью жизни вопреки?

Как они коварны в поволоке дня,
Знаю: не отпустят просто так меня! —
Нужен я им больно, в вечности бредя, —
Нужен как закуска для фужера бытия.

Начался показ!

Красная помада,
Флёр лукавых глаз,
В тон чулок ажурных —
Начался показ!

Пышущие груди —
Декольте любви,
И невольно губы
Шепчут: «Подойди…»

Лязг монет чеканных
Разлетелся в миг,
Поросячьим визгом
Зазвучал меж грив.

На показе этом
Я совсем чужой —
Я хотел, чтоб стала:
Ты моей судьбой.

Кто я?

Кто я? В этом бренном перепутье,
Кто я? В тех превратностях судьбы,
Что на грудь мне давят толстой кожей,
Не моей, а змия пустоты.

Кто я? В обезвоженных затменьях?
В искушеньях чьих-то ликов зла?
В мире одинокого хожденья — кто я
Для тебя, моя судьба?

На меня с насмешкой смотрит свита
Чёрного наместника из тьмы
И всё шепчет, претворяясь лихо,
Что медаль скоро предстоит.

Как же ты коварна, лесть змеина,
Как гордыне ты бросаешь честь!
Кто я в этом таинстве дурмана?
Где моих утех уже не счесть?

Луны говорят со мной ночами,
Только вот под утро тяжело:
Что-то всё же совесть разъедает,

Что-то не даёт сгореть назло.

Кто я? В этих таинствах сомнений,
Путник опостылой тишины,
Средь коварства блудного застолья
И растлений истины души?

Кто я? И кому? Зачем я нужен?
Да, наверно, всё же никому…
Только что-то вот пронзает душу,
Тянет меня к свету через тьму.

Чиновник

Бреду один я, измождённый,
Ревнитель ночи, утверждённый,
Забывший истины свои,
За благодать чужой судьбы.

Была жена… И дети были…
Но блески власти ослепили!
Я им все почести отдал,
Я только их и признавал…

Надев чиновничий наряд,
Заглазно судьбы строил в ряд.
Распорядителем души
Себя считал, живя во лжи.

Спуская гроши честных люд,
Я не скупился: кушать блюд,
Балы бесчинства признавал,
Заблудшим дамам угождал.

А очи закрывая в час,
Я слышал тот лукавый глас,
Который много лет назад

Мне предложил блага за смрад.

— Зиновий Лживенький, ты рад,
Что получил такой уклад?
И фразы те превосходя,
Я отвечал: «Конечно, с да!»

Минули годы барской жизни:
Жена скончалась от трагизма,
А дети, не простив меня,
Умчались в степи бытия.

— Зиновий Лживенький, ты рад,
Что получил такой уклад?
— Теперь спрошу я сам себя,
К обрыву жизни подходя.

На краю обрыва:
— Ну что же, друг мой, шепчешь в ухо?
Опять мы встретились с тобой.
Ты не забыл… Тебе я должен…

И вот обрыв передо мной!

Стою… И жизнь летит мгновеньем,
А совесть едко жжёт внутри.

Ну что ж, пора уже предаться
Забвенью пропасти пути.

Или восстать мне и не сдаться?
Не дать тебе моей души!
Хоть на минуту, но остаться…
Хоть на минуту, но спастись…

За что тебе я продал душу?
За мимолётный карнавал?
А был ли в этом карнавале
Я хоть минуту счастлив сам?

Пожалуй, нет… Зачем на блюде
Тогда тебе себя отдал?
Хотя ты вряд ли мне ответишь:
Контракт я сам ведь подписал.

Змий — искуситель

Змий — искуситель однажды придёт,
Змий — искуситель под сердце прильнёт,
Жадно, так жадно! Он будет просить!
Коварною скрипкой неистово ныть!

Сказочно диво покажет тот змий,
В кольца закрутит, расскажет, где Вий,
Царством подземным тебя завлечёт
Бога забыть в тот миг позовёт!

Змий — искуситель — расчётливый плут,
Спутает мысли, посеет в них блуд,
И на измену души позовёт,
Волшебную песню на ушко споёт.

Не уступи его каторге дней,
Не уступи его пленне огней!
И краешек бездны, что змий преподнёс,
Ты обойди, обойди свой утёс!

Из света дорога зовёт впереди,
Нитью жемчужной слагаются дни,
И крылья белых небесных друзей

Тебя защищают от ночи теней.

Где бы ты мог о камень упасть,
Где ты бы мог увидеть напасть,
И муками зла себя наказать,
И колесницей во тьму поскакать.

Я написал тебе несколько строк,
Чтобы сказать: «Ты не одинок!»
Ведь каждая в мире бездонном душа
Всё же кому-то очень важна.

Месье Жюльен

Однажды дамы постучались:
— «Месье Жюльен! Ох, как милы Вы!
В своём раздолье мирских дел,
Извольте, мы преподнесём Вам

Недостающий беспредел.

Мы Вам откроем все врата:
Богатства, страсти и вина!
Взамен попросим одного:
Порою врать другим назло».

Месье Жюльен был некрасив,
Не искушён вниманием див,
Недавно проигрался в штосс,
Да и вино любил он всё ж!

Ну как же было устоять,
Когда такая благодать?
Да и цена — всего лишь ложь…
Всего лишь ложь… Да ну и что ж…

И понеслись его года:

Богатства, женщин и вина!
Но вот про ложь месье забыл —
Никто к нему не приходил!

Но час расплаты наступил:
И снова постучались в дом
Те дамы, вдруг всё вспомнил он…
И попросили раз солгать,

Всего лишь раз — и можно спать.

— «Придёт к Вам завтра человек,
Вопрос задаст, а Вы в ответ:
„Нет, я не видел никого!
Наверно, было там темно!”»

Вот наступил тот самый день,
Раздался стук серьёзный в дверь,
С вопросом сыщик в дом вошёл,
Месье Жюльен был поражён.

— «Вчера, когда завечерело,
Соседку видели свою?
Она твердит, что подле Вас
Стояла ровно в этот час!»

Месье Жюльен от страха взмок
И тут же сердцем занемог,
Упал и больше не вставал,
Такой нелепейший финал.

Соседку ту он точно видел,
Они дружили с малых лет,
И вмиг себя возненавидел
За данный дамам тем обет!

Соседку обвиняли в злобном
Убийстве мужа своего,
А непричастность подтвердить мог
Месье Жюльен — лишь только он…

Рыдали дамы вековые,
Смиренно ехал катафалк,
И не заметили живые,
Что дамы эти — ад и мрак!

Превратности судьбы

Блики судеб режут глаз,
Прозвучал последний вальс.
Стон прощальной тишины —
После вальса кружит сны.

И пришли они — «собаки»,
Беспощадно режут фраки.
От помещичьей судьбы
Мне остались только сны.

Дунька плачет невпопад:
— Как вернуть былой уклад?
— Вытрись, Дунька, погоди,
Видишь, зверствуют они!

Сашка-«леший» прибежал,
Говорит: «В избе пожар!»
Эти «красные быки»
Всё сожгли! Сожгли! Сожгли!

Эх, превратности судьбы!
Жил когда-то я во лжи,
Вот теперь горю огнём,

Нищетою погребён.

Изгой

Мой друг, ты испивал изгоя чашу,
Зачем? К чему? И почему?
Ты убирал чужое блядство,
Зачем? К чему? И почему?

И шёл. И шёл. Туда, где важно!
Но не тебе, а им, чужим!
Которым так хотелось жадно,
Тебя унизив, вкушать пир.

Скажи, изгой, зачем всё это?
В чём смысл жизни для других?
Неужто ты найдёшь спасенье,
Надев одежды чуждых див?

Ты знаешь, это невозможно!
Ты просто шут для их забав,
Для остроумных их насмешек,
Для воспевания их благ.

Мой милый друг, а может, всё же
Ты смысл обретёшь в другом?
Наплюй на них, ведь эти рожи

Лишь только ранят твой покой!

Пускай горят балы их лести,
Пускай фужеры бьются в такт,
А ты живи один, но в чести,
И спрячь от них свой дивный сад.

Они слепы, глухи и немы
Пред болью истинного дня,
Глупцы, погрязшие в изменах,
На кой они тебе тогда?

Твоя дорога уникальна,
Да, ты, конечно же, устал,
Но ты найдёшь своё призванье,
Ведь свет во тьме не потерял!

Измена. Себе.

Твоя разменная монета
По мукам совести звучит,
А ты не понял? Нет момента,
Где раны созданы на миг,

И выгорают вдохновения,
И чахнут цветом пустых глаз
Твоя последняя измена —
Измена самому себе подчас.

Призрак любви

Бессменным призраком любви
Ищу тебя в потьме из мзды.
Бушует лютый рынок душ,
Вопят зеваки, льётся куш.

Раздеты улиц фонари,
Замолк щемящий стон зари,
И ждёт мучительна страда
В опочивальне, где душа…

Гудят! Гудят! Смятенья дрожью!
И жажда лезет аж под кожу!
А зазывалы шлют поклон:
— «Пожалуй, сударь! Вот твой трон!»

Бежать! Бежать! Но нету мочи!
Ищу тебя в обмане ночи.
Ты — эликсир моей судьбы!
Сапфир избитой пустоты!

Дурак!!! Изменою своей
Я пригласил на пир теней:
Тебя… Твой дивный силуэт…

Ну где же ты? Ну где ж мой свет!

Трусость

Туман и дождь —
Слезами по ланитам,
Опять один —
В хмелю вина, побитый.

Промок насквозь:
До ниточки, до дрожи,
Ох, как смогу:
Забыть тебя я всё же?

Твой аромат —
Вплетающийся в сердце,
Твои глаза —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.